

Любовь

— ОТ —

гробовой доски

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Леся Лазарева

18+

Леся Лазарева

Любовь от гробовой доски

<https://litres.ru/74317312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ну что может пойти не так, когда соседом ритуальных дел мастера становится организатор свадеб?

Виктор Квон пятнадцать лет хоронит людей молча и профессионально. Соседей он тоже хоронил — в переносном смысле, конечно: пережил турагентство, стоматологию и ювелирный магазин. А потом за стеной поселилась организатор праздников и свадеб, громкость голоса которой контрастирует с тишиной бюро. У них разные представления о декоре, разное отношение к утру понедельника и полностью противоположные взгляды на то, что должно происходить за стеной в восемь утра. Проблема в том, что чем громче Кира, тем чаще Квон ловит себя на мысли, что без нее тишина уже звучит как-то неправильно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Леся Лазарева

Любовь от гробовой доски

Глава 1

Особняк на Садовой стоял в неудобной старомосковской полосе, где элитная архитектура начала века со временем осела в коммерческую пыль. Двухэтажное здание из красного кирпича с облупившейся лепниной когда-то было богатым купеческим домом; советская власть превратила его в коммуналки, а девяностые распилили на две коммерческие половины. Левая дверь вела в «Ритуал». За правой же была бесконечная череда арендаторов, менявшихся с завидной регулярностью.

Квону Виктору Олеговичу было плевать на соседей до тех пор, пока они не мешали работать. За пятнадцать лет он пережил под боком туристическое агентство, обанкротившееся через полгода, стоматологию, где пациенты орали так, что венки на его витрине начинали выглядеть очень кстати, контору по продаже китайского ширпотреба, чьи менеджеры курили в тамбуре и сыпали пеплом на его идеально чистый порог, и ювелирный магазин, закрывшийся после того, как владельца посадили за контрабанду.

Квон пережил всех.

Он был как старый корень, медленно и неизбежно прорастающий сквозь бетон.

Утро двадцать третьего сентября началось как обычно. В семь сорок он открыл дверь ключом, снял с сигнализации, прошел через приемную с пластиковыми стульями и столиком, на котором лежали каталоги гробов — «Харон», «Ника», «Классика». В кабинете было чисто и прохладно, пахло бумагой, дезинфекцией и привычным, въевшимся в стены запахом: сухие цветы, лак, ткань и что-то еще. Тишина, наверное. У тишины тоже бывает запах.

Виктор снял пальто, повесил его на плечики за дверью и остался в темно-сером костюме и белой рубашке — ни намека на траурные перегибы и черную драму в образе. Просто мужчина, который выглядит так, будто собрался на совещание, а не в морг. Впрочем, и на совещание, и в морг он ходил одинаково собрано, спокойно и без лишних эмоций.

В зеркале на дверце шкафа мелькнуло его крупное лицо с тяжелой челюстью, высокими скулами, черными волосами, зачесанными назад, и глазами, которые должны были быть карими, но на деле были почти черными, глубоко посаженными, с доставшимся от отца восточным разрезом. Квон Виктор Олегович был наполовину корейцем, но в Москве его обычно принимали просто за очень серьезного мужчину неясного происхождения, с которым лучше не спорить.

Он не был красавцем в глянцево-м смысле. Слишком крупный, тяжелый и собранный. Но женщины на похоронах

иногда смотрели на него дольше, чем на своих усопших, а мужчины начинали говорить тише. Квона это не трогало, он был похоронщиком и профессионалом, а не экспонатом.

В восемь ровно он включил кофемашину и достал папку с заказами на сегодня. Два выезда. В десять — обычный: пенсионерка, кремация, родственников мало, все тихо. В четырнадцать — сложный: внезапная смерть, молодой мужчина, ДТП, состояние плохое, нужен закрытый гроб, но жена настаивает на прощании. Квон мысленно прокрутил варианты: сделать акцент на закрытой крышке, объяснить все тактично. Работать с такими он умел: спокойный голос, немногословность и уверенный взгляд, действующий как якорь для скорбящих.

К восьми двадцати он перелистнул страницу ежедневника, где аккуратным почерком были записаны контакты водителей, крематория и кладбищенской администрации. Ниже стояла пометка: «Позвонить Павлу Сергеевичу. Вопрос по 12-му участку».

Квон поставил кружку с кофе на стол. В левой половине здания всегда было тихо: здесь работали только он, его помощница Светлана Петровна, приходившая к девяти, и водители, которые в это время обычно были в гараже. Правая половина последние три месяца пустовала, и это его устраивало. После ювелиров, устроивших скандал из-за парковки и в итоге съехавших ночью, Квон особенно ценил отсутствие соседей.

В восемь тридцать он услышал грохот.

Сначала он подумал, что где-то обвалилась штукатурка. Старое здание, всякое бывало. Но звук оказался металлическим, с вибрацией, прошедшей через стену и заставившей звякнуть стекло в рамке с лицензией.

Квон поднял голову от бумаг и посмотрел на стену, за которой была правая половина особняка. Там что-то тяжелое рухнуло на пол. Потом раздался быстрый и очень громкий женский голос:

— Нет, нет, нет, это не сюда! Это не сюда, я сказала! Туда, в угол! Нет, черт тебя побери, не в этот угол, в дальний! У меня там сцена будет! Ты вообще картинку видишь?!

Квон медленно выдохнул.

Ну вот. Новые соседи.

Он вернулся к бумагам, решив, что разберется позже. В конце концов, шум во время переезда — явление временное. Перетерпит. Он и не такое переживал.

Через десять минут грохот повторился. Потом что-то заскрежетало по полу. Потом тот же голос рывкнул:

— Осторожно, там стекло! Стекло! Это зеркальный фон, если уроните, я с вас всю стоимость вычту!

Квон аккуратно отложил ручку, встал, вышел в приемную, прошел через тамбур к входной двери и выглянул на улицу.

У правого крыльца стоял грузовик с надписью «Эвент-логистика» и открытым кузовом, полным коробок, конструкций из металлических труб, свернутых баннеров и декора-

тивных элементов в пленке. Двое грузчиков тащили в дверь огромное зеркало в раме под старину.

На крыльце стояла женщина.

Худая, даже очень худая — из тех людей, кто, кажется, состоит из постоянного движения. Джинсы сидели на ней мешком, держась на честном слове. Светлая футболка с принтом музыкального фестиваля. Поверх — расстегнутая клетчатая рубашка, яркий взрыв цвета. Светло-русые волосы подстрижены коротко, с нарочитой небрежностью торчат в разные стороны, будто она сушила их феном на максимальной мощности, попутно мотая головой.

Она что-то быстро говорила грузчикам, жестикулируя словно дирижировала оркестром, играющим в десять раз быстрее, чем нужно. Поворачивалась, замечала следующую коробку, мгновенно переключалась, снова размахивала руками. Потом увидела Квона.

— О, сосед! — Голос был громким, живым, с особой театральностью, которая въедается в профессии, где приходится постоянно держать зал. — Доброе утро! Простите за шум, мы быстренько, честное слово!

Квон посмотрел на нее без улыбки, с длинной паузой, от которой большинство людей начинало нервничать.

Женщина не занервничала. Она широко, с хитринкой, улыбнулась, и протянула руку.

— Лебедева Кира, ваша новая соседка. Свадьбы, юбилеи, корпоративы — всё веселое, что есть в вашей жизни, теперь

от меня.

Квон взглянул на протянутую руку, потом медленно поднял взгляд к лицу.

Рука была тонкая, с длинными пальцами — такими удобно жестикулировать, крутить микрофон, открывать шампанское и, возможно, дергать струны. Лицо — живое, подвижное, с острым подбородком, чуть вздернутым носом и светло-кариими, почти желтыми глазами, слишком веселыми.

Квон не спеша пожал руку, ладонь Киры почти потерялась в его.

— Квон, — сказал он ровно. — Похоронное бюро.

И увидел, как лицо Киры на миг замирает — на долю секунды, нужную чтоб информация успела сопоставиться с вывеской над входом и с тем фактом, что она только что радостно пожала руку человеку, чей бизнес — смерть. Но пауза была настолько короткой, что заметил бы ее только тот, кто привык читать людей по микрореакциям. А Квон привык.

— Ну, — Кира хмыкнула, не смутившись, а скорее как будто подзарядившись от неловкости момента, — у нас с вами, получается, полный спектр человеческих эмоций. От «горько» до... ну, вы поняли.

Квон не ответил — то ли не понял, то ли понял, но не счел нужным реагировать.

— Грузовик перекрывает подъезд, — сказал он вместо этого. — У меня в десять выезд.

— О! — Кира обернулась, словно только сейчас заметила

проблему. — Сейчас. Ребята! — крикнула она грузчикам. — Быстрее давайте, в темпе! Соседу выезжать, мы ему мешаем, а мы же все здесь культурные люди!

Грузчики зашевелились быстрее. Кира снова повернулась к Квону, все еще улыбаясь, и он отметил про себя: улыбка у нее хоть и быстрая, но не дежурная. Она меняется, подстраивается живет своей жизнью. Профессиональная привычка держать контакт лицом, несмотря на то, что внутри.

— Вы надолго? — спросил Квон полуутвердительно, но все же требовался ответ.

— Надеюсь, надолго, — легко ответила Кира. — Аренда на год, если все пойдет по плану. А почему спрашиваете? Боитесь, что я вас шумом замучаю?

— Я не боюсь, — Квон говорил медленно, без нажима, но плотно, делая каждое слово весомым. — У меня работа, которой обязательны тишина и такт. Скорбящим родственникам не нужен шум из-за стены.

Кира моргнула, но смысл уловила сразу.

— Так я же не каждый день переезжаю, — она развела руками. — Сегодня погремим, завтра уже будет тишина. Ну, почти. Работа у меня тоже, сами понимаете, не самая тихая. Но днем я чаще на выезде. А вы, я так понимаю, вообще работаете без выходных?

Квон не ответил. Посмотрел на грузчиков, тащивших очередную коробку, и на Киру, стоявшую на крыльце — быструю, яркую, как конфетти на черном фоне.

— Ладно, — сказал наконец он. Развернулся и пошел обратно в свой офис.

Виктор успел сделать три шага, когда услышал за спиной:

— А у вас кофе есть? Я свой не нашла, а без кофе я человек-амёба.

Квон остановился, но не обернулся.

— Я заплачу! — добавила Кира с интонацией, которая, видимо, должна была обезоруживать.

— В приемной стоит кулер, — сказал Квон. — Кофе в ящике слева. Сахар и сливки — в контейнере.

И ушел в кабинет.

Через пять минут он услышал, как открылась дверь его офиса. Не входная, а внутренняя, из тамбура. Квон нахмурился. У него было четкое правило: приемная — для всех, кабинет — личное пространство. Дверь была приоткрыта, и в щель просунулась голова.

— Извините, я там нашла кофе, но ваш кулер — это какое-то древнее орудие пыток. Он не включается, я уже нажала все кнопки, — Кира говорила быстро, сбивчиво, как будто внутри у нее работал мотор, который не выключался никогда. — Можно у вас просто кипятка попросить? Я свой растворимый возьму, он у меня где-то в сумке, я помню...

Квон посмотрел на часы. Восемь сорок пять. До первого выезда — час пятнадцать.

— Заходите, — сказал он ровно.

Кира вошла в кабинет и на секунду замолчала, оглядыва-

ясь.

Кабинет был небольшим и сдержанным: темная мебель, никаких украшений, кроме одного сухого венка из дубовых листьев на стене, сделанного на заказ много лет назад. На столе — ежедневник, ручка, телефон. На полке — папки с подписями: «Похоронные принадлежности», «Крематорий», «Транспорт», «Особые случаи». Шторы задернуты не до конца, и полоса утреннего света ложилась на пол.

Кира у порога впервые притихла настолько заметно, что это бросалось в глаза.

— Кофемашина на тумбе, — Квон кивнул в угол, где стояли профессиональная кофемашина, чайник, кружки, заварка и сахарница. — Вода чайнике есть.

— Спасибо, — Кира уже двигалась к чайнику, на ходу вытаскивая из кармана джинсов маленькую пачку растворимого кофе. — Я вам должна, честное слово. Первый день, полный хаос. Организаторы — это люди, которые устраивают хаос другим, а не живут в нем постоянно.

Она говорила, пока наливала воду, включала чайник, встряхивала пакетик и искала ложку. Квон наблюдал за ней из-за стола, не двигаясь. Кира же двигалась слишком много для утра, слишком быстро и слишком шумно. Но не настолько, чтобы раздражать; просто непривычно. Как будто в тишину кабинета впустили яркую быструю птицу, которая не может усидеть на месте.

— А вы давно здесь? — спросила Кира, размешивая кофе.

— В этом здании?

— Пятнадцать лет, — ответил Квон.

— Ого. — Кира присвистнула. — То есть вы тут старожил. А я сразу поняла, что место хорошее: центр, транспортная доступность, отдельный вход, своя парковка. Правда, агент сказал, что у вас тут кладбище буквально за углом, но меня это не смутило. Я вообще не суеверная.

Квон ничего не ответил. Он смотрел, как Кира быстро и жадно пьет кофе, обжигаясь, но не останавливаясь, как двигаются ее тонкие нервные пальцы вокруг кружки, как она морщится от горечи, но сахар не добавляет, просто пьет дальше.

— У вас сегодня что-то серьезное? — спросила Кира, кивая на ежедневник. — Или просто работа?

— Работа, — сказал Квон.

— А, ну да. — Кира хмыкнула. — У вас, наверное, всегда работа. В отличие от меня: у меня сезон начинается через две недели, а пока — подготовка, репетиции, встречи с клиентами. Я, знаете, не просто тамада. Я — полный цикл: сценарий, подрядчики, декорации, музыка, свет. Клиент приходит и говорит: «Хочу, чтобы было красиво», а я должна собрать это «красиво» в бюджет, который обычно вдвое меньше хотелок.

Она говорила легко и быстро, как будто они были старыми знакомыми. Квон не поддерживал разговор, но и не обрывал его. Просто сидел, сложив руки на столе, и слушал.

— Но ничего, — Кира допила кофе и поставила кружку.
— Я привыкла. Деньги любят счет, а свадьбы — когда все горит, а ты вывозишь. У меня, знаете, есть правило: если за три минуты до выхода невесты ничего не пошло не так, значит, я что-то упустила.

Она открыто рассмеялась.

Квон даже не улыбнулся.

— Спасибо за кофе, — Кира кивнула в сторону чайника. — Я вам должна. Может, когда-нибудь организую что-нибудь. Скидку на свадьбу. Хотя вам, наверное, неактуально, — она снова хмыкнула собственной шутке. — Ладно, не буду отвлекать. Удачи с работой.

Вышла она так же быстро, как и вошла. Дверь за ней закрылась, вернулась тишина.

Квон несколько секунд сидел неподвижно. Потом медленно выдохнул и вернулся к бумагам.

Через полчаса он вышел на улицу — грузовик уже уехал, дверь в правую половину была закрыта. На крыльце валялся обрывок упаковочной пленки и один серебристый воздушный шарик, с надписью «Любовь...». Шарик слабо шевелился на ветру, зацепившись за перила.

Квон посмотрел на шарик, потом на вывеску своего бюро — черные буквы на сером фоне: «Ритуал». Потом на дверь соседки, где пока еще не было вывески, только кусок скотча с номером телефона, написанным маркером.

Он снял шарик с перил и аккуратно бросил в мусорный

контейнер у входа. Сел в свой темно-синий «Мерседес», не катафалк, обычный седан, но в его салоне пахло так же, как в кабинете: чистотой, тишиной и сухими цветами.

Завел двигатель, выехал со двора, пропуская вперед белую «Газель» с логотипом цветочного магазина, свернувшую к правому крыльцу.

«Ну что ж, — подумал Квон, выруливая на Садовое кольцо. — Поживем — увидим».

В зеркале заднего вида мелькнула фигура в цветастой рубашке — Кира выскочила на крыльцо, замахала руками, что-то крикнула водителю «Газели». Быстрая и яркая.

Квон перевел взгляд на дорогу.

Впереди был рабочий день: два выезда, кремация, разговор с женой того молодого мужчины из ДТП, звонок Павлу Сергеевичу по поводу двенадцатого участка — и тишина. Много тишины.

А за тонкой стеной теперь обосновался человек, чья профессия и есть шум.

Квон не знал, хорошо это или плохо. Но чувствовал: тишина, к которой он привык за пятнадцать лет, уже не будет прежней.

Глава 2

Квон Виктор Олегович не любил мероприятия и праздники.

Это не было ни принципиальной позицией, ни мрачной философией, ни следствием детской травмы, где вместо Деда Мороза пришел пьяный отец. Просто праздники — это шум, суета, люди, которые ведут себя громче и глупее обычного, и необходимость делать вид, что тебе весело. Квон давно перестал делать вид. В его возрасте и с его профессией можно было не улыбаться, когда не хочется.

Похороны он, что логично, мероприятиями не считал. Похороны были работой. Четкой, понятной, ритуализированной. На похоронах не пели дурацких песен под караоке, не плясали, не заставляли участвовать в конкурсах с ложками и завязанными глазами. На похоронах люди молчали или говорили тихо. Иногда плакали. Но плач Квона не раздражал. В плаче была правда.

В плясках правды не было.

Лучший вечер для Квона выглядел так: темная квартира на двадцатом этаже, в башне за тем же двором, куда выходил задний фасад особняка на Садовой; за окном — огни города, которые он видел, но не слышал. На столе — ужин, который он приготовил сам, потому что доверял только своей руке. Никаких ресторанов, там обязательно можно было

встретить знакомых, с которыми разговаривать после работы хотелось меньше всего. Бокал хорошего коньяка «Камю» или «Хеннесси». В подарок ему часто тащили алкоголь — от дешевой водки до коллекционных бутылок, которые обычный человек не купил бы себе никогда. Квон сортировал это без сантиментов: часть убирал в шкаф, часть раздаривал на Новый год тем немногим, кому вообще что-то дарил. Лучшее оставлял себе.

И телевизор. Не новости или сериалы, только документалка. Лучше всего — про животных. Пингвины, лемминги и киты. Ровный, без эмоций, голос диктора за кадром. Картинка красивая, и, главное, далекая. В этом было что-то успокаивающее: даже у зверей есть ритуалы, которые они выполняют без лишней суеты.

И никто не надевает костюм лабубу.

До того как в соседнем крыле особняка обосновалась Лебедева, Квон мог рассчитывать на такой вечер почти в любой день, если не случалось ночных выездов. Просто прийти домой, закрыть дверь, выдохнуть. Тишина, коньяк, пингвины. Теперь тишина кончилась.

Вчера, например, он вернулся с работы около шести. День был обычный: два выезда, кремация, жена того парня, погибшего в ДТП, держалась, но руки у нее тряслись, и Квон молча поставил перед ней стакан воды. Не говорил «успокойтесь» и не обещал, что все будет хорошо, просто поставил воду. Женщина выпила, подписала бумаги. Квон позво-

нил в крематорий, подтвердил время. Всё.

По дороге он заехал в «Азбуку вкуса», взял рибай, спаржу и бутылку красного сухого — коньяка в тот вечер не хотелось. Дома переоделся в темно-серые домашние штаны и черную футболку с длинным рукавом — его домашняя форма почти не отличалась от рабочей ни цветом, ни стилем, только ткань была мягче. Включил на кухне подсветку и достал сковороду-гриль.

Мясо уже зашипело, когда снизу, со двора, донесся звук.

Сначала Квон подумал, что у кого-то заглох двигатель. Низкое, басовитое гудение, потом резкий срыв в визг. Потом музыка. Не просто музыка, а та, которую включают на детских утренниках или свадьбах, когда гости уже пьяные, а ведущий выжимает из зала последние силы. «Биба, биба, биба, ба-ба-ба».

Квон выключил конфорку и подошел к окну.

Стеклопакеты у него были хорошие, немецкие, тройные. Он специально ставил такие, чтобы не слышать город. Но сегодня опрометчиво оставил один на проветривании и теперь слышал, как во дворе творилось нечто, совсем уже потерявшее стыд.

Он отодвинул штору и посмотрел вниз.

Из его окна двор был виден как на ладони. Не настолько близко, чтобы различать выражения лиц, но достаточно, чтобы узнавать машины, силуэты и чужую манеру двигаться. Прямо между его темно-синим «Мерседесом» и белой «Га-

зелью» с цветочным логотипом стоял микроавтобус с открытой дверью. На крыше были закреплены колонки, и из них на весь двор орало то самое «биба-биба». А вокруг микроавтобуса скакали четыре фигуры.

Квон прищурился.

Костюмы. Ярко-зеленые, лохматые, с длинными ушами или рогами, сверху было не сразу понять. Существа с огромными головами из поролона и пенопласта, в которых угадывалось что-то между мультяшным зверьем и коммерческим бредом. На одном был жилет с блестками, на другом — ядовито-розовый парик поверх поролоновой башки. Все четверо, не обращая внимания ни на прохожих, ни на машины, ни, кажется, на здравый смысл, мутузили друг друга.

Квон видел много странного за свою жизнь. Но аниматоров в костюмах, которые отвешивали друг другу подзатыльники и тычки ниже пояса в такт музыке, он, кажется, еще не наблюдал.

Один из зеленых, в блестящем жилете, резко развернулся и с размаху вlepил своему коллеге пониже спины. Тот ответил тем же. Третий, выше остальных, попытался их разнять, но получил от обоих и по ушам, и по поролоновой заднице. Четвертый, самый мелкий, прыгал вокруг, периодически подскакивая к первым двум с таким энтузиазмом, что даже с двадцатого этажа было ясно: сцена уже совсем не детская.

Квон медленно выдохнул.

Первая мысль была: «Это происходит не на самом деле».

Вторая: «Где полиция, когда она действительно нужна».

Потом из здания выскочила Лебедева.

Квон узнал ее сразу — по фигуре, по движениям и по яркой клетчатой рубашке, которая в последние дни мелькала перед глазами с завидной регулярностью. Кира что-то кричала, размахивая руками. Даже отсюда было видно, что жестикулировала она в основном нецензурно.

Аниматоры замерли на миг. Потом тот, что в жилете, дернулся в сторону Кире — видимо, просто перенаправил агрессию. Кира шагнула вбок, легко уйдя с линии удара. Увернулась и от второй попытки, нырнула под руку, вынырнула с другой стороны, что-то резко сказала. Тот, который был выше всех, попытался схватить ее за шиворот. Кира развернулась, сделала два быстрых шага, оказалась у него за спиной и хлопнула по поролоновой голове. Не сильно, но, судя по всему, достаточно, чтобы сбить настрой.

«Как с собаками», — подумал Квон. — «Не давить в лоб, сбить импульс и переключить».

Он не собирался смотреть дальше, хотел вернуться к стойке, который стыл на сковороде, и к вину, которое уже не хотелось. Но не ушел. Стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел, как Лебедева за несколько минут разбирает драку аниматоров в зеленых костюмах.

Это было любопытно.

Кира не орала на них, не угрожала и не читала нотации. Она просто возглавила это. Хлопнула в ладоши резко, види-

мо громко, точно в такт музыке, которая продолжала долбить из колонок. Потом быстро заговорила, отрывисто жестикулируя и отдавая команды. Один из аниматоров попытался возразить. Кира схватила его за локоть, наклонилась, сказала что-то прямо в поролоновый глаз и тот вдруг замер, а потом задергался, видимо от смеха.

Через три минуты все четверо уже стояли кружком и слушали ее. Через пять минут хлопали друг друга по плечам, обнимались, как старые друзья, и грузились обратно в микроавтобус.

Кира села за руль. Музыка сменилась на что-то бодрое, с басами. Микроавтобус развернулся, едва не снес мусорные контейнеры, и выкатился со двора.

Квон остался у окна.

Стейк остыл. Вино выдохлось. Пингвины ждали на паузе.

Он вернулся на кухню, выключил вытяжку и посмотрел на сковороду. Мясо еще можно было спасти, если разогреть, но это было уже не то. Квон терпеть не мог разогретое мясо.

Он все-таки переложил стейк на тарелку и поставил в микроволновку на минимальную мощность — чисто технически, чтобы не выбрасывать. Достал из холодильника спаржу, отрезал жесткие концы, бросил в кипящую воду. Заварил свежий чай, вина уже не хотелось.

Сел ужинать в тишине, которая после получаса наблюдения за дворовым цирком казалась неестественно плотной.

Чай был горячим, а стейк — резиновым. Квон жевал мед-

ленно, глядя в стену, на которой висела черно-белая фотография: старая ритуальная процессия, где-то в Европе, начало века. Длинные пальто, цилиндры, траурные ленты. Никаких зеленых костюмов. Никакой музыки. Тишина, застывшая в серебряном отпечатке.

Он допил чай. Вымыл посуду и включил телевизор.

Пингвины как раз шли к воде. Мерно, спокойно, без лишних движений. Диктор рассказывал о климатических изменениях; голос у него был ровный, как ЭКГ покойника. Квон откинулся в кресле, прикрыл глаза.

В голове все еще мельтешили зеленые существа, подсрачики и Лебедева, грациозно и привычно уворачивающаяся от ударов.

«Интересно, — подумал Квон, уже засыпая под пингвинье бормотание, — куда они поехали».

И сразу одернул себя — знать этого он не хотел. Чем меньше он знает о делах Лебедевой Киры Ильиничны, тем спокойнее его жизнь. Ему не нужно знать, куда увозят четырех взрослых мужиков в зеленых поролоновых костюмах. Ему не нужно знать, какой сегодня праздник, какой будет завтра и почему во вторник в соседнем офисе орет музыка, а в четверг там репетирует хор, будто собранный из жертв караоке-баттла.

Ему нужно, чтобы было тихо, с пингвинами и с коньяком.

На следующее утро Квон приехал на работу раньше обычного. Светлана Петровна еще не пришла. В приемной пах-

ло утренней прохладой и кофе, который он сварил себе сам. Вчера кто-то налил воду в кофемашину куда не надо, и ему пришлось немного повозиться, чтоб получить напиток.

Он сидел в кабинете, листал каталог новых гробов — производитель предлагал модели из массива дуба с ручной резьбой; цены кусались, но качество было приличное. Квон делал пометки на полях, когда услышал шаги. А точнее легкий и задорный топот человека, который всегда опаздывает, но каким-то образом все равно успевает.

Квон не поднял головы. Он и так знал, кто это.

Щелкнул замок, дверь в приемную открылась, внутренняя, из тамбура: Кира уже освоилась и знала, как открывать общую дверь.

— Доброе утро! — голос был бодрым до неприличия. — Кипяток есть? Свой кофе у меня с собой.

Квон поднял глаза.

Кира стояла в дверях приемной, заглядывая в кабинет. Сегодня на ней была футболка с надписью «Жених — зверь», поверх легкая куртка цвета хаки. Волосы торчали сильнее обычного, под глазами залегли тени, но улыбка была на месте.

— Чайник на тумбе, — сказал Квон. — Вода в кулере.

— Спасибо, спаситель, — Кира уже доставала из кармана пакетик растворимого кофе. — Вы не представляете, какой вчера был день.

Квон представил, очень хорошо представил. Но вслух ска-

зал:

— Не представляю.

— Четыре заказа в разных концах города, — Кира насыпала кофе в кружку, залила кипятком, размешивая. — Утром юбилей в Чертанове, потом свадьба в Сокольниках, потом презентация в центре, а вечером... — она усмехнулась, — вечером аниматоры подрались.

Квон молчал.

— Вы бы видели, — Кира вошла в кабинет и устроилась на стуле у стены, не спрашивая разрешения. Квон не прогнал. — Четыре мужика в костюмах лабубу. Для детского праздника. И они прямо перед выездом начали выяснять, кто сегодня больше заработал. Так выясняли, что я их еле растащила. А потом еще уговаривала сесть в машину и поехать на заказ, потому что дети ждут.

«Лабубу», — мысленно повторил Квон.

Значит, все-таки лабубу.

— Растащили? — спросил он нейтрально.

— А, ерунда, — Кира отмахнулась. — У них просто энергия через край, а в этих башках дышать нечем, соображают они уже плохо. Их надо просто переключать. Я сказала: кто сегодня лучше всех отпляшет, тот и король лабубу с премией. Они через пять минут уже ржали. Дети были в восторге, плясали парни просто загляденье.

Она попыталась допить кофе одним глотком, зашипела, обжегшись, но все равно опустошила чашку.

— Спасибо. Пойду, у меня в десять встреча. Сосед, вы святой человек, что пускаете кофе попить. Я вам как-нибудь организую что-нибудь. Может, скидку на свадьбу? — она хотнула. — Хотя вы, наверное, не по этой части.

Квон посмотрел на нее спокойным, долгим взглядом.

— Я не хожу на свадьбы, — наконец сказал он.

— Почему? — Кира даже остановилась у двери.

— Потому что я работаю с людьми, которые пережили потерю, — Квон говорил ровно, без нажима. — Я устаю от людей. И от мертвых тоже. А на свадьбах люди слишком стараются быть счастливыми. Мне это неинтересно.

Кира помолчала секунду. Потом улыбнулась какой-то более живой и искренней улыбкой.

— Ну, — сказала она, — если передумаете, приходите. Я вам покажу, как люди слишком стараются быть счастливыми. Может, вам даже понравится.

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Квон остался один, в кабинете снова стало тихо. На столе лежал каталог дубовых гробов с ручной резьбой. За стеной Кира уже что-то громко говорила по телефону — Квон различал только быстрые переливчатые интонации.

Он вернулся к каталогу, обвел ручкой благородно-сдержанную модель «Антей» достаточно строгую, без лишних деталей.

Подходящая вещь для тех, кто ценит тишину.

И подумал еще, что вчерашние лабубу действительно бы-

ли зелеными. И что у них, кажется, были длинные уши. И что Лебедева ловко уворачивается от ударов.

Глава 3

У двери кабинета Квона, на отдельной тумбе стояла кофемашина. Итальянская, с рычагами, манометрами и хромированными деталями, которые Светлана Петровна натирала до зеркального блеска каждую пятницу. Квон купил ее пять лет назад, после того как очередная дешевая капельная сдохла в самый неподходящий момент — перед приходом важного клиента, которому следовало предложить кофе, чтобы разговор шел мягче.

С тех пор кофемашина работала как часы. Квон научился варить на ней идеальный эспрессо, потом латте, потом капучино с такой пенкой, что даже Светлана Петровна, равнодушная к кофе, однажды попросила сделать и ей — «чисто посмотреть на красоту».

Квон не был кофейным снобом. Просто если уж делать что-то, то делать хорошо. Как с гробами, с документами, или с организацией выезда. Качество — единственное, что остается, когда всё остальное уже перестает что-либо значить.

В очередное утро после переезда Лебедевой, Квон сварил себе двойной эспрессо, сел за стол и открыл ежедневник. Ровно в восемь двадцать дверь в приемную открылась, и в проеме показалась голова.

— Доброе утро, — сказала Кира так, будто они уже сто лет так жили. — Кофе можно? Свой в офисе не нашла.

Квон поднял глаза — Кира уже была в приемной, стояла у кофемашины и смотрела на нее с деловитым интересом, явно собираясь воспользоваться чужой собственностью без лишних церемоний.

— Можно, — сказал Квон.

Отказывать в такой мелочи значило бы превращать утро в неловкую сцену с границами, которых Кира все равно не поняла бы с первого раза. Проще было разрешить и закончить на этом.

— Спасибо, спаситель, — Кира уже открывала ящик, где лежали зерна и сахар. — О, нормальная машина. У моего знакомого в агентстве такая же стоит. Там пенка получается...

В первый раз она, впрочем, провозилась с ней дольше, чем хотела показать: дважды нажала не ту кнопку, чертыхнулась себе под нос, потом все-таки разобралась с рычагом и паром. Квон слышал это краем уха, но не вмешивался.

Через несколько минут запахло густым плотным кофе, с ореховой горечью. Потом запах стал мягче: значит, Кира все-таки взбила молоко как надо. Еще через минуту та появилась в поле зрения с кружкой, на поверхности которой белела пышная пенка, посыпанная корицей из баночки, которую Квон держал рядом с кофемашиной.

— Вы не представляете, — сказала Кира, прихлебывая, — какой вчера был день.

Квон представлял. Вчера он снова видел из окна, как со

двора укатил микроавтобус с аниматорами. Но вслух сказал:
— Не представляю.

Кира села на стул у стены, вытянула длинные ноги, откинувшись. Пила кофе мелкими глотками, явно смакуя пенку. Квон обратил внимание, что на верхней губе у нее осталась полоска корицы, а Кира тут же слизнула ее, даже не заметив.

— Свадьба в Лужниках, — заговорила она быстро, жестикулируя и едва не расплескивая кофе. — Невеста решила, что вместо обычного выхода будет флешмоб с подружками под «Руки Вверх». Всё бы ничего, но подружки ни разу не пришли на репетицию. Вообще. И в день свадьбы выясняется, что они не знают движений. А невеста уже в истерике. И я стою и думаю: либо сейчас на ходу собираю новый номер, либо свадьба превращается в похороны.

Она сделала паузу, покосилась на Квона.

— Не в вашем профессиональном смысле похороны, без обид.

Квон не обиделся. Он вообще не видел здесь повода для обиды. Свадьбы и похороны были просто разными видами мероприятий, в которых кто-то обязан оставаться вменяемым.

— Что вы сделали? — спросил он, сам не зная зачем.

— Да ерунда, — Кира махнула рукой. — Сказала, что танец теперь в стиле свободной импровизации. Выключила верхний свет, включила софиты, пустила дым. Подружки просто покачались под музыку, никто ничего не понял,

невеста счастлива. Главное — чтобы картинка была красивой. Движения всё равно никто не запоминает.

Она допила кофе и поставила кружку на край стола Квона, прямо на папку с договорами. Квон молча переставил кружку на подставку. Кира этого даже не заметила: ее внимание уже ушло к вазочке с печеньем на столике у входа.

— О, а это можно?

— Можно, — сказал Квон.

Печенье было для клиентов, которым в минуту горя предлагали чай или кофе и к которым полагалось что-то простое и свежее, ради приличия. Вазочка всегда стояла полной. Обычное песочное печенье, Квон менял его раз в три дня, даже если никто не брал. Если человек всё же решался взять, оно должно было быть свежим.

Кира взяла два печенья. Съела одно, надкусила второе, задумчиво пожевала.

— Суховато, — сказала она.

— Песочное, — ответил Квон.

— Как сухарь.

— Для клиентов.

Кира посмотрела на него, потом на печенье, потом снова на Квона. Улыбнулась своей быстрой и хитрой улыбкой.

— Для клиентов, значит. А я кто?

— Сосед.

— Сосед тоже человек, — сказала Кира, доела печенье и стряхнула крошки с футболки себе в ладонь, а не на пол. —

Спасибо. У меня сегодня встреча с флористами. Если они опять привезут розы не того оттенка, я их убью. В смысле уволю, конечно. Ну, вы поняли.

Она засмеялась, махнула рукой и выскочила за дверь.

Квон остался один. Посмотрел на вазочку — печенья стало на два меньше. Посмотрел на подставку с кружкой. На папку, которую пришлось спасти от кофейного кольца. Встал, отнес кружку в мойку, вытер обложку и вернулся к столу.

В девять пришла Светлана Петровна, переоделась в приемной, включила компьютер.

— Виктор Олегович, в вазочке уже не хватает печенья. Кто-то заходил? — спросила она из приемной.

— Соседка заходила.

Светлана Петровна помолчала. Потом сказала мягко-понимающей интонацией, которую Квон терпеть не мог:

— А, эта девушка из правого крыла. Да, она вчера тоже ко мне заходила, чай попросила. Очень вежливая. Только громкая.

«Вчера», — мысленно повторил Квон. Значит, вчера Кира успела отметиться и тут. Просто без него.

— Она что, теперь каждый день будет ходить? — спросила Светлана Петровна, и в голосе у нее прозвучал намек на одобрение. Любой живой шум в офисе вызывал у нее умиление.

— Не знаю, — сказал Квон. — Надеюсь, нет.

Он ошибся.

На следующее утро Кира появилась в восемь пятнадцать. Квон только включил кофемашину, чтобы прогрелась, и еще не успел сделать себе кофе. Кира вошла без стука, как будто уже включила это место в свой внутренний маршрут, увидела, что машина прогревается, и потерла руки.

— О, успела, — сказала она. — Вы какой будете?

— Эспresso.

— Тогда я латте, — Кира уже доставала из шкафчика свою кружку, которую принесла накануне и оставила в приемной. Белую, с надписью: «Лучшая ведущая года». — С корицей, как вчера.

Квон несколько секунд смотрел на нее. Потом молча занял место у машины и сварил сначала эспresso себе, потом латте Кире. Нет, он не считал, что обязан. Просто если уж машина разогрета, проще сделать нормально самому, чем потом смотреть, как Кира опять оставит кружку где попало и засыпает тумбу корицей.

— Спасибо, о спаситель, — сказала Кира, принимая кружку обеими руками и вдыхая запах. — Вы знаете, вчера на встрече с флористами...

Она рассказывала, а Квон слушал краем уха, делая вид, что читает договор. Флористы привезли розы цвета «уставший лосось», хотя должны были привезти «пыльную розу», и разница, по словам Киры, была принципиальной: «уставший лосось» на фото смотрится дешево, а «пыльная роза»

— тренд сезона. Кира спорила с ними полтора часа, в итоге они согласились всё заменить, но добавили в смету тысячу за срочность. Теперь клиентка не хочет доплачивать, а выкручиваться опять ей.

— И вот сижу я вчера в одиннадцать ночи, — говорила Кира, доедая уже третье печенье из вазочки, — и думаю: ну зачем мне всё это? Зачем мне эти розы? Зачем мне эта свадьба? Могла бы просто сидеть дома, пить чай, смотреть сериал. Но нет. Я же творческий человек, мне надо, чтобы было красиво.

Она вздохнула. Потом заметила коробку конфет рядом с кофемашиной — подарок от клиента, «Ассорти» в золотой упаковке. Квон сладкое практически не ел, такие вещи обычно доставались Светлане Петровне или водителям.

— А конфеты можно?

— Можно, — сказал Квон.

Кира взяла одну, потом вторую. Третью все-таки не взяла — повертела в пальцах и положила обратно. Развернула первую, отправила в рот.

— Трюфель. Вы сладкое не любите?

— Не люблю.

— А что любите?

— Тишину, — сказал Квон, надеясь, что это прозвучит как намек.

Кира либо не услышала, либо услышала и предпочла сделать вид, что нет.

— Тишина — это хорошо, — согласилась она, жуя конфету. — Я тоже люблю тишину. После свадьбы, когда все разъедутся, сажусь в машину и просто молчу. Водитель уже знает, не лезет.

Сказала она это спокойно, без обычной трескотни. Квон посмотрел на нее внимательнее: под глазами тени, пальцы на кружке чуть подрагивают от кофеина, усталости, или от всего сразу. Тонкая шея, острые ключицы торчат из выреза футболки.

«Живет в режиме самоуничтожения», — подумал Квон. И тут же одернул себя — не его дело.

— Ладно, — Кира допила кофе, схватила на выходе еще одно печенье. — Спасибо, Виктор Олегович. Вы мой персональный кофе-пойнт. Я вам должна.

— Не должны, — сказал Квон.

— Должна, — Кира улыбнулась и подмигнула. — Я вам как-нибудь организую праздник. Бесплатно. Такого вы точно не видели.

Она выскочила за дверь, оставив после себя запах кофе, корицы и дешевого табака, которым, кажется, перебивала усталость между мероприятиями.

Квон сидел за столом и смотрел на вазочку, где осталось шесть печений из десяти. На коробку конфет, из которой исчезли две штуки, на кружку с надписью «Лучшая ведущая года», стоявшую не на папке, а просто мимо подставки.

Он взял кружку, отнес в мойку, вытер капли с тумбы и

вернулся к столу.

В девять пришла Светлана Петровна.

— Виктор Олегович, в вазочке опять печенья меньше, — сказала она из приемной.

— Соседка заходила.

— А конфеты?

— Тоже.

Светлана Петровна помолчала. Потом сказала:

— Может, купить печенье помягче? Девушка, видимо, любит сладкое.

Квон поднял глаза.

— Не надо. Печенье для клиентов. Если ей нужно другое — пусть покупает сама.

Он сказал это твердо, как окончательное решение. Светлана Петровна кивнула и к теме больше не возвращалась.

На следующее утро Квон приехал к восьми. Сварил себе эспрессо, сел за стол. В восемь двадцать, как по расписанию, открылась дверь.

— Доброе утро, — сказала Кира.

Голос был хрипловатым, без обычного задора.

Она вошла в приемную, но на этот раз не двинулась сразу к кофемашине. Остановилась у порога, провела рукой по лицу. Под глазами были уже не тени, а полноценные мешки. Футболка мятая, джинсы в пятнах, волосы торчат так, будто она спала где придется.

— Вы как? — спросил Квон.

Не то чтобы он особенно хотел знать, просто любой взрослый человек спросил бы, увидев другого в таком виде.

— Вчера... — Кира открыла рот, закрыла, потом усмехнулась. — Вы «Горько!» смотрели?

— Нет.

— И правильно. У меня вчера было хуже, но это ничего. Это весело.

Квон смотрел на нее молча. Женщина, которая считает свадебный срач весельем, женщина, которая, судя по виду, вчера разруливала что-то такое, что даже ее батарейки наконец сели. Женщина, которая стоит в приемной похоронного бюро в восемь утра, мятая, голодная и говорит «весело».

— Садитесь, — сказал Квон. — Я сварю кофе.

Кира села на стул у входа и на секунду прикрыла глаза. Может, даже на две. Квон не считал. Он сделал латте с пенкой и с корицей. Поставил перед ней кружку.

— Пейте.

Кира открыла глаза, взяла кружку. Пила медленно, уже не торопясь и не обжигаясь. И молчала. Квон тоже молчал. Тишина в приемной была странной — без обычной болтовни и звона чужого веселья. Просто два человека, кофе и утро.

— Спасибо, — сказала Кира, допив. Голос у нее стал ровнее. — Пойду. У меня сегодня выходной.

— Выходной? — переспросил Квон. Он почему-то действительно не представлял Киру в выходной. Это казалось странным, как пингвин в пустыне.

— Ага. Скажу, что болею, а сама посплю дома, для разнообразия даже в кровати.

Она встала, поставила кружку на подставку — в этот раз правильно. Посмотрела на вазочку с печеньем, но не взяла. И конфеты не взяла.

— Виктор Олегович, — сказала она уже в дверях. — Я вас не напрягаю? С этими утренними визитами. Скажите, если что. Я пойму.

Квон посмотрел на нее. На тонкую шею, на мешки под глазами, на пальцы, которыми та держалась за косяк, будто это и правда помогало стоять ровно.

— Не напрягаете, — сказал Квон.

И подумал: вот черт.

Потому что это была правда и потому что впервые он не почувствовал, что отвечает из одной только вежливости.

Кира кивнула, слабо улыбнулась и вышла.

Квон остался один. Посмотрел на вазочку с твердым печеньем, которое Кира больше не брала, на коробку конфет, на кофемашину, стоявшую на тумбе и поблескивавшую хромом.

Потом встал, открыл шкаф, где держал еду для себя на случай ночных дежурств и длинных смен. Достал пачку мягкого печенья, которое покупал для себя, посмотрел на нее и убрал в ящик стола.

Не для клиентов.

Просто чтобы соседка перестала таскать клиентское.

Сел, открыл ежедневник. Записал: «Купить мягкое печенье и кофейные зерна».

Светлана Петровна пришла в девять. В приемной пахло кофе, корицей и чем-то новым, чужим, но уже почти привычным.

— Виктор Олегович, а сегодня печенье на месте. Соседка не заходила? — сказала она, заглядывая в кабинет.

— Заходила, — ответил Квон, не поднимая головы. — Но печенье не трогала.

— А почему?

Квон помолчал. Потом сказал:

— Потому что оно твердое.

Светлана Петровна ничего не сказала. Только улыбнулась понимающей улыбкой, которую Квон ненавидел больше всего на свете.

Он не стал объяснять, что печенье в ящике не для Киры. Что он вообще не собирается поощрять ежедневные вторжения, этот беспредел и полное отсутствие границ.

Он просто сидел и думал о том, что завтра Кира, скорее всего, снова придет. И что завтра в ящике будет мягкое печенье.

И что это, разумеется, ничего не значит.

Совсем ничего.

Абсолютно.

Глава 4

Хоронили важного чиновника, в свидетельстве о смерти значилось «сердечный приступ». За пятнадцать лет Квон научился отличать естественную смерть от той, которой слегка «помогли» и имел на этот счет собственное мнение. Чиновник хапал, много и жадно. Хапал и ртом, и жопой, как выражались люди, знающие такие подробности. Рано или поздно это должно было закончиться. Вот и закончилось сердечным приступом в собственном кабинете, в окружении документов, которые теперь будут перебирать уже другие люди.

Квону было плевать на причины. Он отвечал за организацию.

Заказчик — официальная семья. Вдова, женщина лет пятидесяти пяти, упакованная в черный кашемир и злость, попросила: «Всё чинно, без апломба, без этого цирка, который он так любил». Квон понял. Он вообще быстро понимал таких клиентов. Умерший, судя по всему, любил шумные мероприятия. Вдова — нет. Вдова, похоже, много чего не любила, включая самого покойного, но это уже не имело значения.

Квон решил присутствовать лично. Не столько потому, что боялся, будто водители или Светлана Петровна что-то напортачат. Скорее потому, что чиновник был серьезным. Не первый уровень, не федеральный, но в городе весомая

фигура. Таких провожают с оглядкой. Если что-то пойдет не так, не простит никто. Ни семья, ни те, кто, возможно, приложил руку к «сердечному приступу». Квон предпочитал контролировать такие процессы сам.

На Ваганьковском моросил сентябрьский дождь, мелкий и противный, умудрившийся пробираться под воротник и делать лицо мокрым, даже если стоишь под тентом. Квон стоял в стороне от основной группы, в черном пальто, с нераскрытым зонтом — не любил он зонты, не замечая капель, скатывающихся по плечам.

Процессия была небольшой. Вдова, двое взрослых сыновей, несколько коллег в строгих костюмах, пара охранников на периметре. Никаких венков с лентами «От коллектива», никаких оркестров. Все тихо, чинно и очень по-деловому.

Квон наблюдал за всем с расстояния. Водители правильно поставили катафалк, могильщики работали чисто, священник, нанятый, между прочим, по настоянию вдовы, хотя покойный, говорили, в церковь ходил редко, бубнил положенное. Квон мысленно ставил галочки: всё идет по плану.

Потом появилась она.

Квон заметил ее первым, потому что привык замечать всё, что нарушает порядок. Женщина лет тридцати, в длинном черном платье, которое стоило, наверное, как три его костюма, с лицом, пытавшимся быть скорбным, но получавшимся скорее истеричным. Она шла быстро, и высокие каблуки глубоко вминались в мокрую землю. В руках алел букет роз.

«Ну, — подумал Квон. — Началось».

Он не делал ничего. Не его цирк. Не его обезьяны.

Женщина подошла к группе, встала напротив вдовы. Сыновья напряглись, охранники сделали шаг вперед, но вдова жестом, не терпящим возражений, подняла руку.

— Вы кто? — спросила она. Голос был спокойным и холодным, как вода в ноябре.

— Вы знаете, кто я, — ответила женщина. Голос ее дрожал, но еще держался.

— Предположим, что знаю, — сказала вдова. — А здесь вы что забыли?

— Я пришла проститься.

— Прощались бы, пока он был жив, а теперь идите прочь. Не позорьтесь.

— Я имею право...

— Вы не имеете ничего. — Вдова шагнула вперед, и Квон, который видел много скорбящих, вдруг понял, что эта женщина сейчас не скорбит. Она вообще не скорбела. Она была в ярости пятнадцать лет, и сегодня был день, когда ярость можно было выплеснуть легально. — Вы были его игрушкой. Игрушки на похороны не приходят. Уходите. Пока я не позвала охрану.

Женщина побледнела. Букет роз дрожал в ее руках. Сыновья стояли молча, с каменными лицами. Коллеги отводили глаза. Священник продолжал бубнить, делая вид, что ничего не происходит.

— Он любил меня, — сказала женщина тихо.

— Он любил себя, — отрезала вдова. — А вас... вас он любил, пока вы были молодой. Теперь вы уже не такая молодая. Идите. Не позорьтесь.

Женщина развернулась и ушла. Быстро, почти побежала, высокие каблуки скользили по мокрой траве. Букет она бросила прямо на дорожку. Красные розы на сером гравии — Квон отметил картинку. Хорошая, контрастная. Через минуту женщины уже не было видно.

Вдова выдохнула, одернула кашемировое пальто, кивнула священнику:

— Продолжайте.

Квон стоял в стороне, не двигаясь. Всё, что произошло, укладывалось в его картину мира ровно на сто процентов. Люди, деньги, измены, ненависть, которая переживает любовь, и похороны, на которых всё это вылезает наружу, как черви из-под перевернутого камня. Он видел такое не раз. Не впервые любовница приходит на похороны. Не впервые вдова выпроваживает ее. Всё штатно.

Штатной не была только собака.

Он заметил ее позже, когда все разошлись. Процессия закончилась, вдова уехала на черном «Мерседесе», сыновья за ней, коллеги рассосались по машинам. Квон остался, чтобы проконтролировать завершение работ: могильщики должны были засыпать яму, установить временный крест, убрать инвентарь. Он стоял под деревом, смотрел на свежий холмик,

думал о том, что надо позвонить Павлу Сергеевичу по поводу двенадцатого участка, когда услышал тихий скулеж.

Сначала подумал, что показалось. Кладбище, ветер, дождь: звуки смешиваются. Но скулеж повторился, и Квон пошел на звук.

Собака сидела у могилы. Прямо у свежего холмика, на мокрой земле, привязанная поводком к временной оградке. Большая, черная, с жесткой шерстью, которая сейчас висела сосульками от дождя. Ризеншнауцер. Сука, судя по всему. Сидела смирно, не дергалась, только скулила тихо, глядя на могилу глазами, в которых не было ничего, кроме непонимания.

Квон подошел ближе. Собака посмотрела на него, но не зарычала. Только прижала уши и сжалась, как будто ждала, что сейчас и он ее прогонит.

На ошейнике был адресник. Квон нагнулся, прочитал: «Аделаида». И номер телефона.

Он достал телефон, набрал. Трубку взяли после третьего гудка.

— Слушаю, — раздался сухой, уставший голос вдовы.

— Беспокоит Квон Виктор Олегович, «Ритуал». Я сегодня сопровождал церемонию.

Пауза. Вдова явно не ожидала звонка от похоронщика через час после похорон.

— Что-то случилось?

— Ваша собака осталась на кладбище. Аделаида.

Длинная пауза. Квон слышал, как на том конце кто-то говорит вполголоса, потом вдова возвращается.

— Эта тварь мне на хер не нужна, — сказала она спокойно, будто обсуждала, что делать с ненужной мебелью. — Собаку любил покойный. А еще он любил ходить налево. Пусть теперь его любовница собакой и занимается.

— Вы ее забирать не будете? — уточнил Квон голосом, в котором не было осуждения.

— Нет. И не звоните мне больше.

Она бросила трубку.

Квон убрал телефон. Посмотрел на собаку. Аделаида смотрела на него снизу вверх, мокрая и дрожащая. Не от холода: в такой шерсти от одного дождя не трясутся, от стресса. От того, что мир перевернулся, хозяин ушел и не вернется, а ее привязали к оградке и оставили.

Дождь усилился. Капли барабанили по листьям, по временному кресту, по спине Квона, по черной шерсти Аделаиды. Могильщики закончили работу, собрали инструмент, смотрели на Квона вопросительно.

— Виктор Олегович, мы всё, — сказал старший. — Может, помочь с...

— Не надо, — сказал Квон. — Забирайте машину, я сам.

Могильщики уехали. Квон остался на кладбище один, если не считать собаку, несколько тысяч покойников и дождь, который, казалось, только набирал силу.

Аделаида сидела и смотрела на него. Не лаяла и не тянула

поводок. Просто сидела, большая, черная, с умными глазами, которые, казалось, понимали больше, чем хотелось бы.

Квон вздохнул.

Он не заводил собак. Не потому, что не любил — просто никогда не заводил. Как и других животных. Работа, график, ночные выезды, квартира на двадцатом этаже — не лучший набор для крупной собаки. Тем более для ризеншнауцера, которому нужны прогулки, движение и внимание. У Квона не было ни времени, ни желания.

Но оставить ее здесь... на кладбище, привязанную к могиле, под дождем. Пока какой-нибудь сторож не найдет и не сдаст куда придется. Или пока сама не сорвется и не побежит искать хозяина, которого уже нет.

Квон представил, как она, мокрая и напуганная носится между могил, не понимающая, куда исчез человек. Как ее потом кто-нибудь отлавливает. А дальше — как повезет.

«Блядь», — подумал Квон.

Он нагнулся, отвязал поводок от оградки. Аделаида не двинулась. Только подняла голову и посмотрела на него.

— Пошли, — сказал Квон.

И пошел по дорожке к парковке, где стоял его «Прадо». По кладбищам он на «Мерседесе» не раскатывал — для рабочих выездов был старый, но чистый и вполне приличный внедорожник. Универсальная машина: и по размытой дороге пройдет, и клиента своим видом не обидит.

Он прошел шагов десять, прежде чем услышал сзади шо-

рох лап по мокрому гравию. Аделаида шла за ним, держа поводок в зубах. Она шла сзади и чуть справа, ровно на расстоянии вытянутой руки.

«Хорошая собака, — подумал Квон. — Жалко».

У машины он открыл заднюю дверь, постелил на сиденье старую куртку, которая всегда лежала в багажнике. Аделаида посмотрела на сиденье, потом на Квона.

— Прыгай, — сказал он.

Собака прыгнула. Сразу, без раздумий, улеглась на куртке, свернувшись большим черным клубком. И только в тепле салона начала дрожать по-настоящему, крупно, всем телом, содрогаясь от пережитого.

Квон сел за руль, завел двигатель, включил печку на полную. Посмотрел в зеркало заднего вида. Аделаида лежала, положив морду на лапы, и смотрела на него. Взгляд был спокойный. Даже не благодарный, скорее доверчивый. Как будто она уже решила, что этот человек ее не бросит.

«Блядь, — повторил Квон про себя. — И что я с ней делать буду?»

Он выехал с кладбища, включил дворники — дождь усилился. В салоне пахло мокрой шерстью и старой курткой. Аделаида не скулила и не дергалась, только дышала ровно, иногда по-человечески тяжело вздыхала.

Квон ехал к конторе и думал. Можно обзвонить приюты, породистую, явно домашнюю собаку, может, и пристроят быстро. Наверное. Можно попытаться найти любовницу —

если вдова не соврала и та действительно имела к собаке отношение. Можно отдать знакомым, но знакомых, которые хотят большую собаку, у Квона не было. Можно оставить у себя, но это уже был чистый идиотизм.

Он остановился на светофоре, посмотрел в зеркало. Аделаида уже не дрожала. Лежала, положив голову на лапы, и смотрела на него с таким спокойствием, будто они знакомы сто лет, будто она всегда знала, что этот человек в черном пальто придет и заберет ее.

— Не смотри на меня так, — сказал Квон вслух.

Собака моргнула, но не отвернулась.

Квон вздохнул и нажал на газ.

У конторы он припарковался на своем месте, заглушил двигатель. Вышел, открыл заднюю дверь. Аделаида внимательно посмотрела на него.

— Выходи, — сказал Квон.

Она выпрыгнула, приземлилась на мокрый асфальт, огляделась. Двор, два крыльца, вывеска «Ритуал» над левой дверью. Потом подошла к Квону и села у его ног.

— Туда, — сказал Квон, кивая на свою дверь.

Аделаида пошла за ним. В тамбуре он остановился, достал ключи, открыл дверь в приемную. Светлана Петровна уже ушла — было около шести. В кабинете горел свет, который он оставил с утра. На столе — ежедневник, ручка, телефон. В вазочке — печенье.

Квон прошел в кабинет и сел за стол. Аделаида вошла сле-

дом, обошла помещение по периметру, обнюхала углы, заглянула под стул, на котором обычно по утрам сидела Кира. Потом вернулась к столу, постояла секунду и осторожно ткнулась мордой Квону в колено.

— Ну вот, — сказал Квон собаке. — И что мне с тобой делать?

Аделаида вздохнула, устроила голову у него на колене и закрыла глаза.

Квон сидел, смотрел на черную голову у себя на ноге, на мокрую шерсть, которая постепенно высыхала в тепле кабинета. Потом перевел взгляд на окно, за которым моросил дождь. В правом крыле горел свет — Кира, наверное, опять работал допоздна.

Квон положил руку на голову Аделаиды. Шерсть была жесткой, мокрой, но под ней чувствовалось тепло. Собака не дернулась, просто вздохнула еще раз и затихла.

— Ладно, — сказал Квон тихо. — Поживешь пока у меня.

Он достал телефон, открыл заметки. Написал: «Корм для собак, миски, поводок, ошейник, подстилка, ветеринар».

Потом подумал и добавил: «Игрушки».

Посмотрел на список. Убрал телефон. Погладил Аделаиду по голове.

В кабинете было тихо. Дождь стучал по стеклу. Собака дремала, положив голову ему на колено. И Квон, который не любил праздников, не любил шума, не любил, когда нарушают границы, сидел и думал о том, что сегодня он подобрал

на кладбище чужую собаку, а завтра, наверное, купит мягкое печенье для женщины, которая пьет его кофе и ест его конфеты, потому что это печенье твердое, а она любит мягкое.

«Ты стал сентиментальным, Виктор Олегович, — сказал он себе».

Аделаида задремала сидя и во сне дернула лапой. Квон не убрал руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.